

КАК Я СЮДА ПОПАЛ

ВВЕРХ ПО ЛЕСТНИЦЕ, ВЕДУЩЕЙ ВНИЗ

Все мы по ней поднимаемся.
Как только появляемся на свет, вступаем на первую ступеньку.
Пошёл подъём.
Он же, одновременно, спуск.
Это правило. Это правило правил.
Исключений пока не было.
Но в пути случается много интересного...

сборник "ПОТОК СОЗНАНИЯ"

Есть вечные вопросы: "быть или не быть", "кто виноват", "что мы за люди такие". У меня – "как я сюда попал?!" В нём, кстати, ответ на все предыдущие.
Хорошо. По порядку.

Поехали с кумом на "Газике" на соседний прииск за подсвинком. Нам там обещали... Ну, неважно, кто. Ехали, значитца, ехали, потом остановились. Кум вылез, меня зовёт. Говорит, горючее кончилось, давай, дескать, дуй за ним в поселок Чую. Пошёл. Вокруг тайга, темень, буреломы, а понизу разбойники серые рыскают. Но я иду. Ничего, дошёл. Достал горючее. Три бутылки белого хлебного вина. Нет, все как положено, 40 градусов, не подумайте ничего плохого. Обратно уже веселей идти было. Разбойники серые встретились. Я их так шуганул, что они безо всякой луны тоскливо завывали.

Пришёл, а кум говорит: "Ну ты, убогий, даёшь! Ты что принес, дефективный?!" Обидел он меня. Я наказал его примерно. Кум убежал, я ещё немного заправился горючим, потом тихо-спокойно спать лег. Снились, как и всегда, две женщины: Джейн Фонда и литовочка Сваене из коопзверпромхоза.

Потом, значитца, утро наступило. Проснулся, дозаправился. Плюнул на этот "Газон", пешком пошёл. Навстречу два мужика. Хунхузы, однако. Чо у них там в сидоре – мне же неизвестно. Откуда я знаю, чо у них там в сидоре лежит. Оказалось, портвейн. Я-то, грешным делом, подумал, что это ходя-ходя. Спирт носят по нашему витимо-патомскому нагорью.

Я им говорю, что вы мне, мужики-хунхузы свой портвейн суёте, а они, главное дело, на, говорят, да на, портвейн, главный начальник. Он, говорят, сладкий, марочный, большая, едрит твою мать, господина. Ну чо – пришлось взять. Заставил на месте попрыгать – спирта не было. Хитрые китаезы. Прячут они его в кратерах метеоритных. Туда нормальный-то старатель не сунется. Вдруг

пришельцы, или, ещё кого хуже, исследователи аномалий.

Иду дальше. Вижу беспорядок в тайге. Хрен тут один, уссурийский тигр, к нам пожаловал. Ну чего, места много, тайга, слава Богу, так нет, он нашего медведя, Конebrата, кореша моего, с места согнал, тот на Чару подался. Типа, пободались. Ну я тебе не мишка, я его скрутил, наказал примерно. Тигра зарыдал, то ли от боли, а, скорее, от обиды. Так ты соблюдай местную флору и фауну, никто тебя не тронет. Нет, ну жалко, конечно. Но и Конebrата не забыть. "Отшумели воды Бодайбинки, не забыть Орона никогда". А этот, уссурийский, поди и не слышал этой нашей песни.

Подхожу к бодайбинской околице, там пастух наш, Рома Ачинов, аварец местный, атлет беспримерный, не пьет, не курит, тоска. Сообщает: "Так, говорит, и так, Николай, ты вот где-то шлендраешь, а во Франции однополые браки партию затевают". Я аж зубами заскрипел. И ведь только сутки где-то отсутствовал! Плохо эта страна кончит. Пришлось пастуха немного примерно наказать. За то, что не нашёл меня сразу. Не оповестил, значитца, о пидарасах.

Иду по родному городу, Бодайбо называется. К магазину, конечно, братцы, куды ещё-то по нынешним временам. Да и по прежним. Да и по будущим. Ладно. Навстречу литовочка Сваене из коопзверпромхоза. Я ее позвал: "Сваенка, кричу, подь сюды!" Она побежала. Мне, хоть и некогда, хоть и не до игрищ-забав, всё же решил догнать. Бегу, думаю: какую вклеить "бизешку"? В смысле, французскую, латинос или наш, сибирский, поцелуй? Кабы, значитца, не обиделась. Догнал, вспомнил детство, решил сначала за косу дернуть. Чё-то там я не рассчитал, дернул, смотрю – коса у меня в руке. Ну, лучшая её часть. А литовочка Сваене на моторку прыгнула, вмиг завелась, и на ту сторону Витима в одиночку переправляется. Там, кстати, груздей в этом году тьма-тьмущая. Вот стрекоза! Но вплавь догонять не стал. Не могу я любовные утехы справлять, пока в стране и мире беспокойно. Опять пошел к магазину.

По пути заскочил на минутку в ремонтные мастерские. Там напарник мой, бульдозерный художник из Беяево, Емельян, трансформатор для драги перематывает. Хорошо работает напарник Емельян, пополняет золотой запас родины. Я ему про Францию рассказал, да что-то грустно нам стало. Шандарахнули по этому поводу питьевого спирта, во времена времён он его когда-то заныкал, и решили: коли так, пусть вымирают. А потом Емельян мне говорит, что это я, дескать, в прошлом годе резьбу у шпинделя сорвал, и с какими такими бесстыжими глазами теперь в своём родном шахтерском городе проживаю?! Потом, гангрена, припомнил, как я по пьяни его книгу американского политолога Стивена Коэна на раскур пустил, и краски смешал. Я ему ничо не ответил. Я его немного наказал примерно, а потом тихо-спокойно сел в углу отдохнуть. Емельян коварный мужик. Он ведь с того берега, с Бисяги. Там поначалу прятался. А на Бисяге, известно, одне кержаки. И они своё дело знают. Он время выждал, пока я закемарил, потом взял и шестидюймовым ключом

погладил меня по темечку. Да оно и верно, иначе – то со мной никак не совладать.

Очнулся опосля нанесённого ранения. Отдышался, пошёл Емельяна искать. Не нашёл. Не было его в мастерских. Зато, смотрю, "Газон" нашего директора, Василь Никитича, стоит. Когда, думаю, ещё така удача тебя, Николай, посетит?! Очень я уважаю этого мужика. Всю войну прошёл, сначала полицейским в Алексеевке под Воронежем, потом партизаном у Ковпака на Украине, Будапешт и Берлин уже пехотинцем брал, а десятку тут, у нас, сидел. Головастый Василь Никитич, и должность у него беспокойная. Дай, думаю, помогу старшему товарищу, хоть в чём. Нашёл ведро белил под своим верстаком, написал с одного боку у "Газона" - "Судейская", с другого – "Пресса", сзади – "ППС". А сверху белый красный крест нарисовал. Чтобы, значитца, Василь Никитичу, большая свобода передвижений по нашему агромному, Франций шесть-семь, однако, будет, району, была предоставлена. Вздохнёт теперь с облегчением, старый хрыч. Гуся с ним осеннего бить влёт хорошо. Меткий пока ещё глаз. Второй, кум в лагере выбил. Тоже неподалеку живет, на Каменном ключе. В городе побаивается.

Дальше думаю: пора ведь и за дело браться. Время идет, добрые люди уже не по первой засаживают, а я тут антимонии развожу. Пошёл к магазину.

Тут репродуктор на столбе заверещал. Вот, дескать, есть у нас в славном граде несознательные, прогульщики, разгильдяи и пьяницы. К примеру, Николай Расторгуев. Иду и вспоминаю. Кто это такой, Николай Расторгуев. Нет, ну Николай ещё помню, а Расторгуев... Что за ископаемый? Рожа его неумытая... На роже-то меня, братцы, и пробило. Николай Расторгуев – это я. Колян, значитца. Николаха. Колюнчик.

Че то себя так жалко стало... Аж комок в горле. Перехватило дыхание. Обиделся я на пропагандистов и агитаторов. Взял булыжник, снял репродуктор с одного вздоха.

Тут, глядь, как раз директор, Василь Никитич, легок на помине. Кричит издаля: чего, мол, ты, Николай, балуешь? Щас, мол, участкового, Федьку Рогова позову. Я и его с одного вздоха снял. Снимаю, и думаю: зови, думаю, неблагодарная твоя душа. Федька-то от меня уж третий день прячется. Позавчера он, тряпичная душа, хотел у нас с батей самогонный аппарат реквизиловать. Акт пришёл составлять. Вспомнил, поди, как посля войны на смоленщине селян продналогом душил, пёс смердячий. Ну, я ему кант-то из штанов служебных выпорол. Наказал, значитца, примерно, и убедил: ещё где встречу, ухи пообрываю.

Выхожу на нашу площадь центральную. Она аккурат рядом с магазином. Смотрю, мужики из ремонтных мастерских, из цеху литейного, дозором идут. Навроде как дружинят. У нас, в монтажном, литейку не любят, страсть. Вечно у их юбилейная плавка, переходящая в митинг. А на митинге, известно, то Англию осудят, то Францию поддержат. И не знают, охламоны, что французы-то... да недолго этой нации осталось. Короче, пошёл я за ними. Они от меня. На бегу песню затянули из

кинофильма «Весна на Заречной улице». Вообще, любят у нас это произведение.

Догнал я их, вынул из кармана чернильницу-непроливайку, со школы ношу с собой, талисман, вроде, заимонил её аккуратно в середину промеж ними, и приказал: "Ложись!" Мужики, конешное дело, со страху в пыль попадали. Я тоже прилёг. На всякий случай. А что? Как бабуля моя говорила: "Береженого Бог бережет". Лежим, значитца, взрыва ждём. Только я голову приподнял немного – а прям на меня наша "пожарка" прёт. Я понял – это психологическая атака. Не знали, охламоны, что придумал её предок мой, Владимир Оскарович Каппель. "Пожарка" воеет, огоньки от её сверкают, брандспойтом по мне шарашут... а я иду. Мне их надо наказать примерно. И я это сделаю. Невелика шутка. Другое не даёт покоя: "Как я вообще сюда попал?!"